

В. Третьяков

ФРАНЦУЗСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЙНЫ 1792-1796 годов

с приложением очерка революционного периода войны 1870-71 гг.

Краткий стратегический очерк

М.: «Военное дело». 1919. 26 с.

Для веб-публикации подготовили Люсиль, Оксана и Алексей Сомовы.

© Vive Liberta 2006

ВВЕДЕНИЕ

Раньше чем очертить фактическую сторону французских революционных войн 1792—1796 гг., скажем несколько слов о стратегии и тактике революционной эпохи после 1789 г. Закончившаяся в 1763 г. Семилетняя война выдвинула на первый план прусского короля Фридриха Великого и его прусскую армию. К 1792 г. прусская военная система царила уже во всей Европе. Прусская стратегия и тактика были образцами, которые изучались и комментировались генеральными штабами всех армий. Прусский солдат был идеалом солдата.

Но вдруг на поле сражения в 1792 г. вырисовывается другой солдат — французский, прямая противоположность прусскому. Вместо солдата — дрессированного животного, появляется солдат — человек в полном смысле; у него есть высокий нравственный идеал, отечество, которое им ставится превыше всего. «Все наши помыслы и чувства, — говорит Стендаль, — **сосредоточивались в одном чувстве — быть полезным отечеству**; все остальное: одежда, пища, карьера, все это казалось нам эфемерными пустяками».

Прусская рота в 200 человек имела 26 унтер-офицеров, что при трехшереножном строе давало 58 рядов, при чем 26 унтер-офицеров образовывали за ротою четвертую шеренгу. Так прусская рота сковывалась с флангов и с тылу в прочные рамки. Французский же революционный солдат, пронизанный мыслью «**быть полезным отечеству**», не выносит 3—4 шереножного строя, он стремится быть впереди всех, он вылезает из рядов, расширяет фронт. Французский унтер-офицер не тюремщик, как прусский; он лишь регулятор действий своих подчиненных, он передатчик воли высших частей боевого организма, он младший нерв боя.

«Дух своеволия и смуты, — говорит современный французский военный писатель Кариона-Низа, — разрушившие в 1789 г. нашу армию, сменились самою строгою дисциплиною; порядок поддерживался теми же самими, для поддержания которых в порядке он прежде всего назначался. Войска управлялись сами собою, движимые их добродетелью. Самые тяжелые лишения и самые трудные работы переносились и исполнялись безропотно офицерами и солдатами. Такова была эта благородная армия, единственный образец в истории новейших народов и в летописях военного искусства со времени его возрождения».

Ниже помещаемая сравнительная табличка, приведенная в труде генерала Леера, ясно показывает, как перемена в свойствах и качествах солдата, в связи с остальными изменившимися политическими условиями (вместо бедных средств, дававшихся полководцу, — богатство в них), **привели во всем к обратному в стратегии и тактике**, произвели в них полный переворот.

I. Политические условия

Бедность средств, так как ведение войны — дело правительства.

Богатство средств, так как ведение войны — дело народное.

II. Система комплектования

Вербовка. Страх, внушаемый дезертирством, недоверие к солдату, которого постоянно держат на глазах.

Конскрипция. Полное доверие к солдату.

III. Армия

Механизм, связанный путем внешнего единства, путем единства формы

Организм, связанный путём внутреннего единства, единства идеи, положенной в основу.

IV. Способ снабжения запасами

Исключительно магазинная система, до крайности стесняющая свободу движений и действий армий.

Реквизиции, дающие полную свободу операциям.

V. Маневрирование

Расположение и движение вместе.

Расположение и движение врозь.

VI. Подготовка сражений

Путем тактического маневрирования.

Путем стратегического маневрирования.

VII. Бой — сражение

На местности открытой, ибо солдат мог убежать.

На всякого рода местности.

VIII. Боевой порядок

Сколоченный, механический, негибкий и неподвижный.

Расчлененный, гибкий и подвижный.

IX. Форма боя

Дерутся вместе, отсюда выгода несомненная; отсюда — единство, внутренняя цельность боа, хотя достигаемая скорее механическим путем, или внешнее единство.

Бой врозь, отсюда громадная невыгода; отсутствие единства, полная распушенность, раз как в бою армия раскидывается на 40 верст — 1794 г. Флерюс, 80 тысяч Журдана — ничем необузданная частная инициатива; сражения обращаются в ряд частных боев.

Крупный недостаток стратегии революционной эпохи, **распушенность**, в особенности на поле сражения, необходимо было во что бы то ни стало обуздать. Эта задача блистательно разрешена Наполеоном I, благодаря чему вполне осуществлен был на деле идеал ведения военных операций, чем и создана новая эра в развитии стратегического искусства.

Наполеон ввел поправки:

а) самостоятельные дивизии свел в корпуса, чем обратил их из самостоятельных организмов в подчиненные органы;

б) в дополнение к реквизициям ввел магазины и подвижнее, запасы, и

в) поставил оперативную работу штабов на строгие и прочные основания, создав орган «Большой Армии», что сразу уничтожило оперативное самоволие и разъединенность в действиях.

Таким путем, он выше намеченный пункт V «маневрирование», — сохраняя в нем все выгоды **расположения врозь и движения врозь**, — довел до возможности **сосредоточения войск на тесном пространстве поля сражения**, что уже допускало правильную организацию управления ими в бою, т.е. уничтожало распушенность на поле сражения.

Вот под этой точкой зрения и следует читать операции революционного периода с 1792 по 1796 г., когда Наполеон выступил на сцену истории.

При нынешнем трудном положении русской земли и ее армии полезно вспомнить аналогичное состояние французского государства в июне 1789 г., когда произошли кровопролитные столкновения королевских войск с народом, кончившиеся торжеством революционной партии. К этому времени французская регулярная армия состояла из 174 т. человек наемных швейцарских, вербованных французских и милиционных провинциальных полков. С революцией иностранные полки были распущены, а прочие частью сами покинули знамена, частью же, лишенные дисциплины и покинутые офицерами, бежавшими из отечества, предались мятежу и убийству. Вместо них организована была Национальная гвардия, или народная стража, посредством добровольного поступления. В августе 1791 г. Австрия и Пруссия начали угрожать Франции, которая и приступила к образованию из национальной гвардии 170 волонтерных батальонов. В апреле 1792 г. французское законодательное собрание само объявило войну германскому императору. Эта война, под названием революционной, закончилась в феврале 1801 г. Но мы рассмотрим ее только до 1796 г., когда выступил на театр войны генерал Бонапарт, так как нас интересует лишь тот период войны, когда она велась с полным нарушением правил военного искусства. Война велась в Нидерландах, на Рейне, в Италии, а с марта 1793 г. и в Испании. Мы рассмотрим лишь действия на Нидерландо-Рейнском театре, как главном.

Кампания 1792 г. (схема 1) Австрийцы собирались в Бельгии, между Ньюпортом и Намюром, всего 40 тыс. Гораздо позже начали собираться пруссаки у Кобленца 42 тыс., и 14 тыс. французских эмигрантов у Бингена; австрийцы на Рейне у Филипсбурга 27 тыс. Французское законодательное собрание, объявляя 20 апреля 1792 г. войну германскому императору, т.е. Австрии, надеясь воспользоваться ее неготовностью и овладеть Бельгиею, предполагая встретить в ней сочувствие населения к революции. Французская «операционная» армия была образована из вновь набранных волонтерных батальонов, до 83 тыс., и постепенно собралась: северная армия генерала Рошамбо 35 тыс. у Валансьена, центральная генерала Лафайета - 30 тыс. у Меца, южная генерала Люкнера - 20 тыс. севернее Страсбурга; армиями командовали очень опытные старые генералы, еще ранее участвовавшие в семилетней и северо-американской войнах, а Люкнер был известен как выдающийся партизан. В конце апреля французы начали наступление на широком фронте в 4 колоннах: на Намюр, Монс, Турне и Фюрн. Обе средние колонны, встретившись со слабыми австрийскими отрядами, отступили в полном беспорядке, превратившемся в паническое бегство, кидая знамена, убивая офицеров и распуская слухи об измене. Это вызвало отступление и обеих фланговых колонн. Население Бельгии отнеслось вполне враждебно к французам; Наступил период бездействия на театре, и только в августе пруссаки перешли границу и взяли Лонгви. Центральной армией, вместо бежавшего из своей армии Лафайета, командовал 50-летний генерал Дюмурье, а южною — Келлерман, тоже 57-летний старый генерал. Такое наличие старого кадра значительно содействовало прочности французских войск. Неприятель уже взял Верден и Стенэ. Дюмурье намеревался сначала задержать движение противника с фронта, заняв горные проходы в Аргонском лесу, так как пруссаки у Вердена стояли на прямом пути к Парижу. Но 13 сентября немцы овладели Вузье и этим обошли левый фланг армии Дюмурье. Несмотря на то, что противник видимо глубоко обходил его и отрезал армию от Парижа, Дюмурье, сознавая полную неспособность своей армии к маневрированию, а потому, предвидя неминуемый беспорядок при отступлении, решился упорно удерживаться на избранной позиции у Вальми. К нему подошел Келлерман из-под Меца, что довело его армию до 60 тыс. против 75 тыс. австро-пруссиков. 20 сентября 1792 г. утром, когда рассеялся туман, наступавшие пруссаки, вместо спасающейся бегством армии, увидели французские волонтерные массы, готовыми к бою. Пруссавики атаковали передовые французские войска и сильным артиллерийским огнем взорвали у французов несколько зарядных ящиков. Это сразу смутило пехоту Келлермана, и она стала поспешно отходить назад, преследуемая колоннами немцев. Но Келлерман выдвинул вперед свою сильную артиллерию, остановил ею наступление немцев и быстро восстановил порядок в своей пехоте. Противник, удивленный такой стойкостью волонтеров, нашел их позицию очень сильною и не повторял атаки, ограничиваясь артиллерийским огнем или канонадою. Отсюда и сражение это более известно под «канонадою при Вальми». Так стояли обе стороны до 30 сентября — немцы тылом к Парижу, а французы тылом к Германии, и наконец, немцы, терпя недостаток в продовольствии, отступили к Люксембургу. Такой неожиданный, скорее стратегический, чем тактический, успех революционных войск над прославленною в семилетнюю войну прусскою армиею оказал сильное впечатление на всю Францию и Европу. Еще 10 августа, при известии о вмешательстве Пруссии, в Париже произошло новое восстание и низложение короля, а 21 сентября, на другой день Вальмийского сражения, законодательный совет заменен Национальным Конвентом или собранием облеченных чрезвычайными полномочиями представителей народа, и Франция объявлена республикою, с провозглашением трех начал нового устройства общества: «свободы, равенства, братства».

Чтобы закончить обзор этой кампании 1792 г. на главном театре, следует упомянуть, что Дюмурье, после отступления пруссаков от Вальми, двинулся к Монсу, против австрийцев, и 6 ноября при Жемаппе с 45 тыс. разбил 15 тыс. неприятеля, т.е. снова стратегическая победа, и дошел до Аахена. Эти победы при Вальми и Жемаппе не укрепили организации расстроенной французской армии, так как полное неустройство военно-административной части в армии и легкомысленное объявление Национальным Конвентом «отечества вне военной опасности» вызвали усиленное бегство национальных гвардейцев из рядов армии домой. Армия Дюмурье из 45 тыс. сразу потеряла 40 тыс. человек, и полководец остался в завоеванной Бельгии без войска. (Схема 2)

Одержанные в первую же кампанию революционной войны победы при Вальми и Жемаппе, хотя обе более стратегические, чем тактические, т.е. более зависящие от способностей полководца, чем качеств его войск, не создав новой прочной французской армии, все же заложили в общем сознании французского, еще недисциплинированного, плохо обученного солдата зародыш боевой традиции, ибо факт отказа «непобедимого» прусского солдата от атаки был налицо. Картина французского художника Вернэ изображает тот, момент в сражении при Вальми, когда французские волонтеры в армии Келлермана увидели отступление пруссаков: общий победоносный крик и поднятые над головами треугольные шляпы, ружья, сабли, руки. **Этот момент воинского восторга способен создать солдата с боевой традицией.** Это понял и оценил Наполеон в 1804 г., назвавший Келлермана герцогом Вальвийским, чтобы оживить воспоминание о моменте духовного возрождения французской боевой армии. Император оперся на революционную боевую традицию. Но он, как великий знаток военной психики, знал, что «**профессиональная**» гордость играет не последнюю роль в движениях души солдата.

II

Очерк кампании 1792 г. указывает, что к концу 1792 г. французская революционная армия была сильно расстроена, а потому в феврале 1793 г. Национальный Конвент принял меры для увеличения ее численности. Были призваны 300 тыс. человек, также все холостяки и бездетные вдовцы от 18 до 25 лет. Затем постановлено начало **общеобязательной воинской повинности** и организовано **поголовное ополчение** или «леве-ан-масс» (конскрипция введена позже, в 1798 г.). Все это дало материал для образования 14 армий, силою до 1200000 чел. Установлены начала реквизиции всего нужного для ведения войны; так, собственность граждан стала собственностью государства, а, следовательно, и подавно собственность враждебного государства сделалась собственностью французской армии, и снова возродилось военное правило, что «**война должна питать войну**». Это сделало французскую армию крайне подвижною сравнительно с другими армиями. Жившими только из магазинов; на образование которых тратилось много времени. Но недисциплинированность французской армии часто превращала реквизицию в грабеж, возмущенное население уничтожало мародеров; армия расстраивалась и обращалась в толпы.

Кампания 1793 г. Французы собрали свои силы: 125 тыс. в Бельгии, из них 30 тыс. Дюмурье у Брюсселя для вторжения в Голландию, остальные занялись осадой крепостей; на Рейне, занимая Майнц, стояла армия генерала Кюстина, до 70 тыс. У Меца находилась Мозельская армия ген. Моро в 25 тыс. и связывала фланги армий Дюмурье и Кюстина. Против Дюмурье находилось до 100 тыс. австрийцев и пруссаков от Герцогенбуша через Кельн до Люксембурга. Против Кюстина 123 тыс. австро-пруссак от Трира на Кобленц, Франкфурт и вверх по Рейну. Поход начался наступлением Дюмурье через Антверпен к устью Мааса, но это было прекращено движением австрийцев в его тыл со стороны Кельна. В сражении при Неервиндене 18 марта Дюмурье был разбит. Сражение это Дюмурье дал, исходя не из военных соображений, а из желания одержанною победою избавиться от нападков якобинцев. Французы восемью колоннами обрушились на австрийцев, но по овладении рядом селений пришли в расстройство. Последовавшая контратака противника обратила французскую пехоту в поголовное бегство с потерей артиллерии. Под впечатлением поражения усилившееся дезертирство сократило армию Дюмурье на половину. Тогда Дюмурье вступил в переговоры с австрийским правительством и обязался сдать противнику крепости, а с остатками своей армии наступать на Париж для свержения Национального Конвента. Но заговор был открыт, и Дюмурье должен был бежать. Заменявший его Дампьер, под влиянием энергичных требований комиссаров Конвента, произвел с расстроенною и деморализованною армиею наступление у Конде, но был разбит на голову и смертельно ранен. Вместо него назначен генерал Кюстин, вскоре казненный Конвентом, обвиняемый в слишком быстрой сдаче крепостей, в которые Конвент ввел деморализованные остатки разбитой армии. После этого французскою армиею командовали генералы Ушар и Журдан, с переменным успехом, но деморализация армии заставила их отступить из Бельгии и ограничиться прикрытием Парижа по линии Лилль-Монмеди. На Рейне противник начал свои действия обложением Майнца. В начале июля Конвент приказал освободить во что бы то ни стало Майнц от осады. Но это не удалось французской армии. Пруссаки выдвинулись к Ландау. Тогда депутаты Конвента побудили генерала Моро с Мозельскою армиею наступать на Пирмазане с целью обойти правый фланг пруссаков и выйти им в тыл. Но этот дилетантский план потерпел полную неудачу: французы потеряли 4 тыс. человек и 20 орудий, пруссаки же только 168 человек.

Тогда сменили генерала Моро и назначили Гоша, усилили его армию по 40 т., а Рейнскую армию Пишегрю до 60 тыс., и Конвент приказал обоим генералам наступать на пруссаков, осадивших крепость Ландау. 29 и 30 ноября произошло сражение при Кайзерлаутерне, где 20 тыс. пруссаков отбили нападение 60 тыс. французских войск, понесших потерю в четыре раза большую, чем противник. Тем кампания 1793 г. закончилась для обеих сторон.

Так французские революционные войска уже вторую кампанию заканчивали без особого стратегического результата, неся тактические поражения. Причиной этого, помимо неудовлетворительности генеральского и офицерского составов и непрерывного вмешательства Конвента в военные операции, была и та особая тактика, какую практиковала в это время революционная армия. Новонабранные французские ополчения, за недостатком времени для обучения хитростям линейной тактики, прибегли к **способу действий, частью** давно проповедовавшемуся национальной литературой, преувеличивавшей значение партизанской войны, а **частью** — только что оправдавшемуся опытом в Америке, особенно рельефно в сражении при Лексингтоне.

Это сражение полезно пояснить, чтобы лучше понимать влияние его на французскую революционную тактику. За 15 лет до французских войн американское население готовилось к борьбе с регулярными английскими войсками. 19 апреля 1775 г. англичане были атакованы у Лексингтона американской милицией из колонистов, охотников, закаленных в борьбе со стихиями, индейцами и дикими зверьями. Они выжидали англичан поодиночке, трупками, рассыпавшись за деревьями, кустами, изгородями и земляными валами, и каждый из них клал на месте того, в кого целил. Они по боковым тропинкам опережали медленно двигавшуюся колонну и снова в самом неудобном для англичан месте преграждали им путь. Неутомимые колонисты так мучили до самого солнечного заката противника при сильной жаре и очень пыльном ветре. Англичане едва спаслись от истребления.

Многие генералы и офицеры французской революционной армии были из участников этой американской войны и направили свою пехоту на идею рассыпного стрелкового боя. Неспособная сражаться в правильном сомкнутом строе, революционная пехота рассыпалась в стрелки, частью же оставалась вместе с конницей позади, в виде резерва, в глубоких сомкнутых колоннах. Стрелки густою (это уже уклонение от американцев, дравшихся «редкою») цепью приближались к неприятельским развернутым линиям, стоявшим на виду, и наносили им потери своим огнем. Тогда молодые французские войска, со свойственной им пылкостью, бросались в штыки и достигали успеха над старыми солдатами, скованными дисциплиною боевого порядка. Но скоро старые регулярные армии заметили всю эфемерность революционного успеха, и достаточно было нескольких хорошо направленных залпов из ружей и пушек из стройных и стойких рядов старых солдат, спокойно выжидавших французскую стремительную атаку, чтобы революционная толпа, вырвавшаяся из рук своих начальников, так же стремительно обращалась в паническое бегство. Появился даже особый отдел солдат, служивших **от бегства до бегства**, т.е., в виду безнаказанности масс, заблаговременно в бою убежавших и снова являвшихся на службу в общей массе дезертиров. Этот недостаток своей тактики французские генералы старались устранить образованием боевого порядка в несколько линий, соединением стрелкового боя с боем в сомкнутых массах, выдвиганием авторитетного по своим знаниям офицерства. Конвент установил смертную казнь за бегство и важные преступления по военно-уголовному уставу. Установил награду — похвальный отзыв правительства за заслуги отечеству. Затем установлена раздача почетных сабель, а потом республика учредила военный орден «Почетного Легиона», который перешел и в империю Наполеона.

Так начинала создаваться новая французская армия, в боевой своей славе превзошедшая старую, чему много способствовало слияние ее со старою армиею. К началу новой кампании 1794 г. к каждому старому батальону прибавлено два молодых слабодисциплинированных волонтерных батальона, и из них составлены боевые единицы — революционные «полубригады», вместо «королевских» полков.

III

Кампания 1794 г. (Схема 3). К этому походу австро-пруссаки собрали с англичанами и голландцами армию до 350 т. чел. Французская армия для действий в поле имела около 700 тыс. человек, т.е. двойные силы, но, как увидим, не сумела их использовать, разбросав их по крепостям. Во главе французского правительства зарождались попытки руководить стратегическими операциями на театре войны, что было в своем основании правильно, но не имелось в наличии знания военного искусства. Мы увидим ниже, что французская стратегия делала опыты **одновременного действия обоими флангами** своей армии, и что такая операция давала успех. Это было отмечено, как открытие рецепта для победы революционных войск. Наполеон отмечает, что вера французских генералов в этот рецепт побудила их применить его и в походы 1795 и 1796 гг. Так ощупью пробирались на правильный путь не только французская тактика, но и стратегия.

Французы поставили целью овладение Голландией. Северная армия генерала Пишегрю в 180 т. полевых войск была растянута от Дюнкирхена до Мезьера; Мозельская генерала Журдана в 50 тыс. около Меца и Рейнская армия в 50 тыс. от Кайзерлаутерна до Страсбурга. Австрийцы, англичане и голландцы, до 150 тыс., стали от Менина до Шарлеруа и Намюра; пруссаки 60 Майнца и остальные союзные имперские войска, до 60 тыс., от Маннгейма до Страсбурга, вдоль Рейна. Комитет общественной безопасности направил Пишегрю на Менин. Антверпен, а армию Журдана на Намюр, Шарлеруа и Брюссель; **этим охватывались оба фланга неприятельской армии.** Журдан обложил австрийскую крепость Шарлеруа и 26 июня одержал победу при Флерюсе. В этом сражении французские войска не оказали хороших боевых свойств, и только прочный резерв Журдана и решение австрийцев отступить, когда они узнали о сдаче крепости, доставили французам успех. Журдан двинулся на Брюссель, туда же подошел при слабом сопротивлении австрийцев и Пишегрю. Как будто система действий на фланги противника действительно давала стратегическую победу. Дальнейшее наступление Пишегрю к Герцогенбушу, а Журдана к Кельну понемногу оттесняло англичан и голландцев в Голландию, а австрийцев за Рейн. В феврале 1795 г. Пишегрю вступил в Голландию. На Рейне в этот поход происходили незначительные передвижения, кончившиеся тем, что французы преступили к блокаде Майнца. Постоянные несогласия союзных генералов между собою сильно содействовали успеху ложной идеи французской стратегии.

Кампания 1795 г. На театре войны остались лишь австрийские войска и часть имперских войск; англичане же и пруссаки ушли домой. Внутренняя война, особенно в Вандее, ослабляла французскую армию, и она до августа оставалась в бездействии. Решено было снова привести в действие стратегический рецепт. Противник имел две армии: одна в 96 тыс. генерала Клерфе, стояла вдоль Рейна от Дюссельдорфа, до Маннгейма; другая, в 80 тыс., генерала Вурмзера, около Фрейбурга. В конце август Журдан стал готовить переправу у Нейвида, а Пишегрю у Маннгейма. Журдан после целого ряда маневров дошел 24 сентября до р. Майна; между тем как пере шедший Рейн Пишегрю был 22 разбит у Гейдельберга. Ложная стратегия давала свои результаты. 4 октября под обложенным французами Майнцем был собран военный совет, на котором были Журдан, Пишегрю и комиссары конвента, и решено перейти к оборонительным действиям, особенно для устройства продовольственной части, дурное состояние которой начало расстраивать дисциплину войск. Пишегрю, усмиривший в своей армии восстание против конвента, задумал восстановить монархию, но попытка была раскрыта. При таких условиях трудно было ожидать военного успеха. В октябре австрийцы сами перешли в наступление, и Журдан отвел свою армию за Рейн, ознаменовав это движение страшным грабежом и мародерством. Затем в ноябре австрийцы набросились на Пишегрю и тоже заставили уйти обратно за Рейн. Утомление обеих сторон заставило заключить перемирие.

Кампания 1796 г. В последних числах мая перемирие окончилось. Французы снова взялись за выполнение своего стратегического рецепта, но, к их несчастью, на театре войны появился великий полководец, австрийский эрцгерцог Карл. Французский план, хотя проводимый и недурными генералами Журданом и Моро и с армией в 160 тыс. человек, все же потерпел полное крушение. Журдан снова перешел Рейн у Нейвида, а Моро у Страсбурга. Эрцгерцог Карл стоял впереди Майнца и тотчас бросился на части Журдана и разбил их 15 июня при Ветцларе. Затем 11 августа атаковал генерала Моро у Нересгейма, но бой не получил развития. Между тем Журдан дошел до Амберга. Тогда Карл 24 августа атаковал Журдана у Амберга, а 2 и 3 сентября у Вюрцбурга и принудил к быстрому отступлению. Сам же двинулся вверх по Рейну в тыл армии генерала Моро, чем заставил того начать спешный отход на Гюнинген.

Так кончался период беспорядочных революционных войн. На сцену уже в 1796 г, в Италии выступил Наполеон, создавший из своей армии боевой организм, послуживший ядром для образования упорядоченных французских армий в прочий период революционных войн. Затем муштровка армии в Булонском лагере с 1803 по 1805 г. превратила своевольный организм в орудие, поднявшее славу французской армии и французского солдата до высот еще никакою армией и никаким солдатом не превзойденных. **Честь и отечество** были ее главными двигателями к подвигам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Французская революционная война 1870—1871 г. (схема 4)

В предыдущих статьях о французской революционной войне 1792—1796 гг. мы проследили обстоятельства ее ведения только до 1796 г., хотя она продолжалась до 1801 г. Но нас интересовал только тот ее период, когда она велась с полным нарушением правил военного искусства. В 1796 г., когда на военную сцену выступил стратег генерал Бонапарт, стало сказываться его влияние на планы войны, стала импонировать вводимая им в свою армию воинская дисциплина. Его победы, явившиеся всецело результатом его военного гения, сильно влияли на дух расшатанных французских солдат его итальянской армии, и из нее стал зарождаться боевой организм. «Честь и отечество» — становилось лозунгом боевого организма.

1 сентября 1870 г. император Наполеон III сдался под Седаном немцам со своею армиею в 124 тыс. человек и 194 орудий. 4 сентября в Париже вспыхнула революция, я избрано правительство национальной обороны с президентом генералом Трошю. Последовала пятимесячная борьба с германским нашествием. Франция боролась, не имея армии, с насоро набранными войсками, предводимыми подчас людьми, совершенно не знакомыми с военным делом.

4 сентября немцы двинулись на Париж, перед ними отходил спасшийся от Седанской капитуляции французский корпус генерала Винуа. Обложенная немцами в Меце французская армия Базена сдалась немцам 27 октября в составе 173 тыс. чел. Таким образом корпус Винуа с другими сохранившимися регулярными частями, всего до 60 тыс. человек составил ядро новой французской армии для обороны Парижа. Это ядро было доведено до 400000 чел пополнением сырым материалом из национальной гвардии, добровольцами. В провинциях оборона была организована лишь по вылете из обложенного немцами Парижа на воздушном шаре 9 октября Гамбетты в Тур. Он, при диктаторских правах, исполняя должности министров военного и внутренних дел, избрал себе помощником гражданского инженера Фрейсине. По свидетельству очевидцев, Фрейсине, на основании своего некоторого знакомства с севере-американскою войною 1861—1864 гг., играл среди своих коллег роль стратега. Многие из проведенных им мероприятий также напоминают об американских впечатлениях. Он только упустил из виду, говорит немецкий автор, что перед ним в роли врага стояла не милиционная армия, а сила, не побеждаемая импровизациями. Он обладал хладнокровием, неутомимостью, решительным и авторитетным тоном, большою инициативою. При своем огромном самомнении он считал все средства хорошими, и ни в чем не находил трудностей. Он считал возможным вести операции из своего кабинета, обходился с опытными и высокопатриотичными генералами свысока, указывал им способы военных действий и вообще считал себя обязанным поставить их на правильный путь проведения операций. Гамбетта раздели, эти заблуждения своего помощника, что окончательно губило дело обороны. Вместо того чтобы усиленно привлекать генералов к своему делу и поддерживать их авторитет, французское правительство окружило себя инженерами, учеными и журналистами. Принята была точка зрения, что солдаты по призванию — это ограниченные, неспособные люди; они пригодны лишь тогда, когда на них возлагается только выполнение военных идей талантливых и широко образованных людей. Фрейсине работал над увеличением масс, думая ими подавить немцев, заменяя массой слабость обучения. Но масса, к его удивлению вдруг проявляла такие недостатки, которые совершенно отодвигали на второй план недостатки слабого обучения Фрейсине видел слабость и недостаток офицерского состава. Он ввел производство в генералы и офицеры унтер-офицеров, рядовых и даже солдат, но «отличившихся в бою». Они проходили сокращенные курсы. Но все усилия и все насилия над законами природы боевого организма приводили лишь к новым его болезням. Низший солдатский состав, очень довольный открывшейся ему военной карьерой, все же в бою примыкал к старым офицерам не доверяя знаниям людей своей среды. В бою при Бон-ла-Роланд солдаты отшатнулись от «нового» генерала и «нового» командира полка и примкнули к совершенно негодному в тактическом отношении, но зато «старому» офицеру-капитану, который таким образом временно сделался «начальником дивизии» и, сопровождаемый искренним доверием окруживших его солдат и их содействием, с честью для своего оружия выдержал бой. Эти факты поражали Фрейсине. Оправдывалась русская пословица, приведенная у Даля: «старый полковник лучше молодого генерала».

Генеральный штаб совершенно отсутствовал; все меры его создания приводили к образованию многочисленных личных адъютантов, но не офицеров генерального штаба. Это обстоятельство, не менее, даже более чем недостаток работающих генералов, губило двигающиеся массы новообразованных французских корпусов. Гамбетта и Фрейсине, в сражении под Орлеаном, где французский талантливый генерал Орель-де-Паладин вел операцию против прусской армии принца Фридриха-Карла, лично, на самом поле сражения, отдавали, с помощью своего новообразованного генерального штаба, приказания. Когда же своими распоряжениями разбросали армию Ореля из 170 тыс. человек при 420 орудий на 100 верст против 100 тыс. пруссаков, веря «молодым» идеям своего генерального штаба, то пришли к решению: «вчера я направил 18 и 20 корпуса, сейчас направляю также 17, и передаю командование армиею снова в ваши руки», - писал Фрейсине вечером 2 декабря генералу Орель. Назревала расплата за грехи нового генерального штаба, а потому он удалялся. Что тут мог починить Орель? Пруссаки разрезали его армию надвое, отняли Орлеан, взяли много пленных и 74 орудия, потеряв сами не более 2 тыс. человек. Когда Орель громадными усилиями выводил из боя свою измученную, деморализованную армию и из ее рядов раздавались возгласы против «адвокатов» (а в бою солдат особенно чуток), то Фрейсине из Тура, за 150 верст от поля сражения, — уверял генерала Ореля в полной возможности остановить немцев, так как у Ореля имеется 200 тыс. человек против 100 тыс. пруссаков!

Это лучшая характеристика ведения этой войны с французской стороны, и, приводя другие факты, мы лишь повторяли бы рассказ об одном и том же явлении. Фрейсине создал еще план давления на сообщения пруссаков, с возможностью даже отрезать их от их отечества. Прилагаемая схема вполне объясняет идею мечтателя. Генерал Бурбаки с 120 тыс. человек был разбит и вогнан в нейтральную Швейцарию; сам Бурбаки застрелился.

Новые армии без кадров старых войск не скоро создаются, даже при умелом руководстве. В 1874 г., черед три года после этой войны, Мольтке сказал в рейхстаге: «Мы убедились, что сборище даже отличных, патриотических и храбрых людей не создает армии. Французские мобили и национальная гвардия только затянули войну на несколько месяцев, но лучшего мира не добыли. И франкतिеры ни на один день не задержали наших операций. Они заставили нас прибегнуть к жестоким приемам войны, но изменить ничего не смогли».